

ГЛАВА 1

2001 год.

Окраина Самары, Южное шоссе

С бугорка по другую сторону дороги кафе было видно как на ладони. Обычное кафе на выезде из города. Ничем не примечательное: одноэтажное приземистое здание, парковка с разбитым асфальтом, броская, выполненная плохим художником вывеска с названием «Василек». Человек в рабочей спецовке лежал на животе уже второй час, наблюдая за ним. Он не ворочался, меняя положение тела, не жевал травинку, а лежал не шевелясь так тихо, что можно было залечь за соседним кустом и не услышать присутствия другого человека.

Перед кафе припаркованы три машины. Белая «Лада»-«восьмерка» с сильно тонированными стеклами принадлежала владелице заведения. Это было установлено заранее. Старенький черный «Опель» и серо-синий джип «Чероки» подъехали только что.

Классика, усмехнулся про себя человек, сидевший в засаде. Почему братки так любят именно джип «Чероки», с чего пошла такая мода и такая иллюстрация статуса?

Из двух машин вышли четверо. Они сгрудились возле второго выхода, прикурили и демонстративно ржали. Это тоже стало обычаем. Вести себя так, чтобы было сразу понятно, кто тут хозяин жизни. Это им так кажется, что хозяева жизни так и должны выглядеть. Разный уровень. Денег с чужого мелкого бизнеса они за «крышевание» имеют в общей сложности много, но внешним видом и манерами несколько не приближаются к тем, кто зарабатывает такие же деньги своей головой, талантом, предприимчивостью. Да и с кого им брать пример, если они с такими не общаются, а общаются с теми, кто еще не выбился в касту богатых и солидных.

Кафе тоже было их «территорией». Интересно, подумал наблюдатель, пик кризиса прошел года два-три назад, а эти еще живы. Как быстро реагирует у нас криминал на экономические проблемы. Стоит только появиться сложностям, и сразу начались побои на дорогах. В первую очередь кризис на себе ощутили дальнобойщики. Потом вот эти, как владелица кафе, слабо организованные предприниматели. Попали в группу

риска. Волна сойдет через год, может, через два. Большую часть пересажают. Кто поумнее, пустит деньги в оборот и станет сам предпринимателем. Станет, если удастся нанять толковых менеджеров, если хватит ума платить им прилично. Тогда эти наемные работники поднимут бизнес.

Так, из кафе вышла женщина, братки ее обступили, мелькнула ее голова, хлопнула дверка белой «восьмерки». Владелица кафе уехала. Это хорошо! А вон продавщица запирает главный вход и решетку изнутри. За стеклом появилась табличка «Закррито». Понятно. Как же иначе, если тут сегодня «стрелка». Все остальные проезжайте мимо.

А вот и остальные подтянулись, понял наблюдатель, когда у кафе, лихо затормозив в полуметре от крайнего парня, остановился еще один «Чероки». Следом, помигав дальним светом фар, подъехал темно-синий «БМВ» на широких литых дисках. Все девять собрались! Комплект!

— Мам, я опаздываю! Ну скоро ты? — Невысокая пухленькая девушка не отставая ходила за Жанной Васильевой по залу. — Мам, давай я поеду, а ты потом с кем-нибудь из пацанов приедешь. Че, тебя никто не подбросит?

— Катька, сколько можно? — Жанна поморщилась и задумчиво посмотрела на дочь. — Ладно, бери машину, но чтобы осторожно у меня. Я еще часочек, и приеду. Хорошо?

— Спасибо, мамуль! — Девушка чмокнула мать в щеку, одновременно выхватывая из ее руки ключи от машины.

Жанна была владелицей этого кафе уже пятый год. Идея буквально витала в воздухе. А подсказал ее муж, бывший шофер большегрузных машин. Он был на пятнадцать лет старше своей супруги и перестал ездить, выйдя на пенсию. Когда появилась возможность продать родительскую квартиру, Жанна наконец взялась за реализацию этой идеи — устройство кафе для водителей на въезде в город. Сигареты, соки, вода, самое необходимое в дорогу и легкий перекус из продуктов быстрого приготовления. Дела шли то плохо, то совсем плохо. Почти сразу, как только кафе заработало, появились братки и стали требовать деньги. Забирали много, так много, что Жанне часто приходилось самой стоять за прилавком, потому что на зарплату продавщице и уборщице просто не было денег. Побирались тут и государственные службы.

Более-менее все стабилизировалось, когда появился Сафон со своими братками.

Это было уже в 98-м году. Они ввалились дождливым вечером вшестером, расселись по маленькому залу, неприязненно поглядывая на нескольких водителей за столиками. Через пару минут в зале остались только дружки Сафона. Сам он, в кожаной куртке «косухе», с большим перстнем на пальце, нелепо смотревшимся среди обильно украшавших руки лагерных наколок, поманил Жанну пальцем и указал на стул напротив себя.

— Слышь, «Скорая помощь» приехала! — шепеляво произнес он и засмеялся с довольным видом, поглядывая на дружков. По залу пронесся смешок.

— Какая «Скорая помощь»? — бледнея и холодея, спросила Жанна, послушно садясь на стул.

— Значит, так, — перестал смеяться уголовник. — Теперь тебя никто обирать не будет. Тебя вообще больше никто не тронет. Меня зовут Сафон. Запомни! Если хоть одна падла косо в твою сторону поглядит, я ему кишки на уши намотаю. Теперь дальше — твоя плата мне за «крышу». Я не одним днем живу, понимаю, что тебе развиваться надо, клиентуру расширять, бабло зарабатывать. Будет у тебя бабло — будет и у меня. Поэтому будешь платить по-божески...

Это было три года назад. За это время, и правда, дела у Жанны пошли лучше. Сафон не наглел, но и просрочек не терпел. Сказал, пятого числа, значит, пятого, хоть последние трусы продай. Жанна хорошо помнила, когда она попробовала вовремя не отдать Сафону деньги. Он выслушал ее, покивал головой, а потом вдруг резко, наотмашь, ударил по лицу. И сразу куда-то делся выдержанный, спокойный Сафон, каким его знала Жанна. Сейчас перед ней стоял злобный, жестокий уголовник, для которого важнее всего деньги. И она отчетливо почувствовала себя дойной коровой, которую заботливо пасут, выгуливают, защищают от волков, но могут в любой момент и на мясо пустить...

Иногда всей компанией они заваливались и проводили в «Васильке» вечер. Особенно когда выдавалось жаркое лето. Требовали без разбору пива, чипсов, сухариков, орешков. В первый раз Жанна испугалась и буквально на трясущихся ногах подошла на следующий день к Сафону. Сафон спокойно попросил список выпитого и съеденного и разрешил на эту сумму в текущем месяце заплатить ему меньше.

Сегодня у Сафона с кем-то какая-то встреча, и Жанна не особенно волновалась.

Посидят, попьют. Ждали какого-то Мерзлого, как она слышала, ему забили тут «стрелку». Продавщица Ирина Васильевна уже запирала вход и выставила табличку «Закрыто». Пожилая расторопная женщина хорошо усвоила манеру поведения братвы. Не научный симпозиум планируется. И матерщина будет, и накурят, и на пол наплюют, зато Саффон подойдет потом, сунет пятисотку и махнет рукой в зал:

— Прибери тут за моими раздолбаями...

Жанна вернулась к себе в маленькую конторку, немного позаниматься бумагами. Завтра она собиралась платить налоги за квартал, и нужно было еще кое-что посчитать. Ей было хорошо слышно через стену, как Саффон со своими дружками рассаживаются в зале. Кто-то громогласно потребовал «пивка для рывка», кто-то заржал, и следом раздался звон чего-то разбиваемого стеклянного. Жанна недовольно поморщилась и приподнялась со стула. На уровне ее головы в стене имелось небольшое круглое отверстие. Еще в самом начале ее бизнеса, когда помещение подверглось капитальному ремонту, прораб показал глубокую трещину в стене, отделявшей обеденный зал от ее кабинета, и в шутку предложил устроить там «глазок», для контроля за персоналом.

Жанне шутка понравилась, и она в самом деле решила так сделать. Прораб почесал в затылке и выдал еще одно интересное решение. Часть трещины он не стал заделывать. Изнутри ее завесили небольшой гравюрой в легкой рамке, а со стороны зала в нужном месте стену украсили витражом из цветного стекла. Что-то вроде изогнутого зеленого стебля, от которого отходят веточки с бутонами и уже раскрывшимися цветками разных цветов. Не ахти какая художественная ценность, но через синее стеклышко прекрасно просматривалась часть зала от двери и до стойки продавца. И, что самое главное, Жанна могла видеть внутреннюю часть стойки и кассу.

Дверь за спиной толкнули, и она, еле успев прикрыть картиной свое наблюдательное окошечко, к своему неудовольствию, увидела в кабинете одного из братков Сафона — самого молодого из его команды, Вовку Сараева. Или Вована, как его еще называли дружки. Было Вовану лет двадцать пять, так что при своих сорока семи Жанна ему в матери годилась. И этот самый Вован все время пытался с ней заигрывать.

Картина никак не хотела висеть ровно, и Жанна спросила, не оборачиваясь:

■ — Чего тебе, Вова?

— Жанна, ты это... — замялся парень и вдруг сгрел ее в охапку, прижал к себе и засопел ей в ухо.

— Ты спятил! Отпусти сейчас же! — воскликнула Жанна срывающимся голосом.

Мальчишка, сопляк! Но как он держал ее, как прижимал!

— Жан, ты это... ты мне давно нравишься... я дурею от тебя! У тебя такие ножки... крепенькие, загорелые... Ты такая вся! Я хочу...

— Спятил... — хрипло прошептала она, язык отказывался повиноваться, да и сил почему-то не было сопротивляться. Даже ноги стали какими-то ватными и буквально подгибались. Жанна почувствовала, что уплывает, теряет ощущение реальности. Последним всплеском здравого смысла она еще пыталась сопротивляться, понимая, что это дико — вот прямо сейчас отдаться мальчишке, да еще в своем же кабинете. И тут...

Выстрелы ударили резко! Хлестнули по барабанным перепонкам! Жанна вынырнула из обволакивающего возбуждения и вся похолодела.

Два почти сразу, потом один, еще один! Потом два раза по два... Потом еще один. Жанна, бледная как полотно, выскользнула из ослабевших рук Вована и, отодвинув кар-

тину в сторону, посмотрела в глазок. В центре зала стоял невысокий мужчина в рабочей спецовке и сосредоточенным взглядом шарил по сторонам. В каждой руке он держал по черному пистолету и поводил ими по залу. Восемь парней валялись в самых разных позах. У кого-то еще дергалась нога, кто-то скреб ногтями по крышке стола, пытаясь подняться. Мужчина двинулся между столиками. Он подходил к каждому, движущемуся или неподвижному, и стрелял в голову. Кровь и серое вещество разлетались по полу...

И тут Жанна увидела за стойкой скособочившуюся, привалившуюся спиной к стене продавщицу Ирину Васильевну. Женщина сидела с открытыми остекленевшими глазами, в которых застыло удивление. На белой блузке расплывалось кровавое пятно. Жанна зажала рот рукой, сдерживая рвотные позывы, и медленно сползла на пол. Над ней хрипло и даже как-то судорожно дышал Вовка Сараев, прикидывая глазом к щели в стене...

Наши дни. Москва

Николай Владимирович Мерзликин давно понял, что работоспособность зависит от двух вещей: от осознания, от удовольствия,

что ты занимаешься тем делом, которое тебе нравится. И от состояния здоровья. Эмоциональное удовлетворение, душевный подъем — дело хорошее, но физическая немощ может свести на нет любое позитивное настроение. И Николай Владимирович давно пристрастился к спортивному комплексу. Тренажерный зал, потом час волейбола или партия в большой теннис. Потом душ и двадцать пять минут бассейна. Снова душ и массаж... Два раза в неделю он устраивал себе подобные удовольствия. А по субботам или, если дела совсем не отпускали, в воскресенье он ездил на Воробьевы горы и занимался пробежкой.

Жизнь была прекрасна. Да и какой ей еще быть, если ты можешь себе позволить такой образ жизни, если можешь тратить на спорт приличные суммы. Если твой бизнес идет хорошо, даже очень хорошо, все твои проекты реализуются и к тебе постоянно обращаются с предложениями, одно интереснее другого.

Мерзликин припарковался на VIP-площадке, подхватил с заднего сиденья спортивную сумку и взбежал по ступеням к стеклянным дверям спорткомплекса «Русич». Просторный холл встретил прохладой и знакомыми запахами. Возбуждающими запаха-